

**«ЕСЛИ БЫ НЕ ВОЙНА, СОВЕТСКИЙ НАРОД УШЕЛ БЫ
ТЕПЕРЬ ДАЛЕКО ВПЕРЕД...»: СОВЕТСКАЯ МЕМОРИАЛЬНАЯ
ДИПЛОМАТИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ (1949-1989)¹**

На материалах разножанровых источников в данной статье анализируется один из сегментов советской послевоенной культурной дипломатии в европейских странах социалистического лагеря, который условно обозначается автором как «мемориальная дипломатия». В центре исследования находятся концепции конструирования и использования исторической памяти в целях формирования внутриблоковой идентичности, оказания влияния на межгосударственные отношения, преодоления различий во взглядах на события прошлого. Особое внимание уделяется коммуникационным процессам вокруг исторических нарративов социалистического лагеря, а также юбилейной риторике, праздничным ритуалам, мемориалам.

***Ключевые слова:** транснациональная история, социалистический лагерь, культурная дипломатия, историческая память, внутриблоковая коммуникация*

Наблюдаемая сегодня трансформация системы международных отношений, обозначаемая аналитиками как «новая холодная война», поставила на повестку дня задачу изучения различных измерений глобального противостояния второй половины XX в. как конфликта, который создал «для многих... участников приемлемые смысловые структуры, индивидуальный и коллективный порядок»², в т.ч. на коммуникативном и символическом уровне. Актуальные исследования нацелены на контекстуализацию социалистической модерности в рамках общемировых трендов³, создание дисперсного представления о механизмах функционирования т.н. «восточного блока», на отказ от монолитного образа «советской империи», основанной исключительно на насильственных методах, в пользу более гибких объяснительных моделей ее относительной стабильности⁴. Данная статья посвящена одному из сегментов советской послевоенной культурной дипломатии в европейских странах социалистического лагеря: концепциям, механизмам, каналам конструирования и использования исторической памяти в целях поддержания системы внутриблоковой коммуникации, оказания влияния на межгосударственные отношения, преодоления различий во взглядах на события прошлого. Данное направление усилий советской стороны можно условно обозначить понятием «мемориальная дипломатия».

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10213).

² Stoeber 2007.

³ Rowell 2007. S. 26–34; David-Fox 2015.

⁴ Boskovska, Strobel, Ursprung 2016.

Отдельные проявления транснациональной коммуникации вокруг исторической памяти в социалистическом лагере попали в объектив исторических исследований сравнительно недавно, и пока единичные описания не позволяют представить всю многомерность картины. Наиболее разработанным тематическим полем остается специфика переработки военного прошлого в Восточной Германии под влиянием советской стороны. На материалах делопроизводственных документов и визуальных источников А. Тихомиров реконструировал особенности использования двух образов Сталина в ранней ГДР: победителя (символа морального унижения немцев) и всепрощающего друга, благодарного которому, по мнению автора, освободила от тяжкого исторического бремени все население Восточной Германии⁵. С. Сатюков призывает осторожно обращаться с подобными упрощенными конструкциями одномоментного освобождения и ставит вопрос о том, каким образом предложение освобождения восточных немцев от коллективного чувства вины было реализовано различными поколениями и социальными группами⁶. Длительность формирования мемориального консенсуса по отношению к восточногерманским ветеранам войны подчеркивает К. Дитрих. По его мнению, инструментализация образа Сталинграда как общего советского и немецкого места памяти постепенно позволила создать в ГДР собственный мемориальный нарратив о «чистом вермахте». При этом, литературные и кинематографические произведения, стилизующие процесс перевоспитания офицеров вермахта в антифашистов через поражение под Сталинградом и советский плен, не только воспринимались самими протагонистами как истинное описание их жизненного пути, но и широко реципировались как идентификационное предложение носителями негативного военного опыта. Причем финальным этапом и символическим знаком «очищения от бремени прошлого» признавалось вступление в общество германо-советской дружбы⁷. Л. Карл проанализировал советские фильмы о войне, демонстрировавшиеся на территории ГДР. Он пришел к выводу, что реакцию отторжения населением Восточной Германии навязываемых советской стороной монументальных кинообразов войны лишь отчасти удалось ослабить в период оттепели путем обращения к страданиям «маленького человека»⁸. В целом, в данном тематическом поле открытым остается вопрос: в каких мемориальных пространствах и с какими целями дискурс вины восточных немцев продолжал поддерживаться в целях стабилизации внутриблоковых структур?

⁵ Тихомиров 2014.

⁶ Satjukow 2012. S. 220–221. О поколенческой специфике см.: Нагорная 2014. С. 200–210.

⁷ Dietrich 2016. S. 67–83.

⁸ См.: Карл 2011.

Один из аспектов исторической политики в социалистическом лагере, а именно использование поездок в «страны народной демократии» для укрепления риторических фигур советского исторического нарратива в сознании собственных граждан представлен в работах А. Попова. Автор демонстрирует, как планомерно и настойчиво интегрировались в различные проявления советского выездного туризма места памяти о Второй мировой войне в Восточной Европе, как выстраивались интеракции между принимающей стороной (работниками музеев, гидами) и организованными в группы посетителями мемориалов⁹. Неизученной пока остается сама специфика конструирования мест памяти в социалистическом лагере, роль в этом процессе советской стороны и восприятие мемориальных посланий институциями и населением стран Восточной Европы. На необходимость реконструкции культурной топографии Восточного блока для более глубокого понимания механизмов функционирования «социалистической ответственности» указывает в одной из недавних публикаций Ю. Рихерс¹⁰.

В статье речь пойдет о коммуникационных процессах вокруг исторических нарративов социалистического лагеря и об отдельных инструментах «мемориальной дипломатии»: юбилейной риторике, праздничных ритуалах, мемориалах. Привлечен широкий круг источников. Прежде всего, это делопроизводственные документы и переписка институций социалистических стран, которые определяли направления развития и конкретные мероприятия в сфере культурной дипломатии. Описывая концепции и итоги организованных событий, авторы документов уделяли особое внимание недостаткам планирования, конфликтам, перспективным рекомендациям. Часто эти источники содержат полные тексты или выдержки публичных выступлений ведущих и рядовых послдов культурной дипломатии, в которых отражены ключевые риторические фигуры «совместной» исторической памяти. Материалы периодики, в частности газет ГДР, позволяют зарегистрировать периодичность и частотность упоминания определенных событий прошлого и контексты современности, в которые они помещались. Информативны для реконструкции процессов формирования совместной памяти в социалистическом лагере туристические путеводители, их текстовый и визуальный материал не только «отражает, что в конкретные периоды считалось особенным, обыденным и чуждым», и тем самым «обуславливает восприятие путешественника»¹¹, но и может быть проанализирован как средство формирования общих мест памяти. Структура советских путеводителей по социалистическим странам, выпущенных Главным управлением по иностранному туризму при Совмине СССР

⁹ Попов 2011 (а); 2011 (б).

¹⁰ Richers 2016. S. 237–265.

¹¹ Görlich 2007. S. 408–421.

в конце 1970-х гг., выстраивалась по принципу описания отдельных городов, практически идентичный текст переходил из издания в издание и дополнялся в зависимости от каких-либо значимых событий или изменений численности населения¹². Можно предположить, что, выделяя конкретные точки в неизвестном пока ландшафте, составители брошюр определяли, что останется в памяти посетителя, какие образы и идеологически нагруженные послания он увезет с собой на родину и, возможно, передаст в рассказах и визуальных образах (фотографиях) своему окружению. Весьма вероятно, что путеводители изучались и теми лицами, которые по каким-то причинам не поехали в путешествие, но тем не менее совершили своеобразный «умозрительный тур», запечатлев на эмоциональном и визуальном уровне определенные места памяти, связанные с конкретной страной.

Управляемый мемориальный нарратив:

коммуникативная память в публичных пространствах концлагеря

Пространство коммуникации вокруг подлежавшего конструированию совместного прошлого формировали многочисленные государственные и квазиобщественные институции: партийные органы разного уровня, постоянно действующие академические структуры и временные международные исследовательские группы, интернациональные комиссии по ревизии школьных учебников¹³, общества дружбы и курирующие их органы (Всероссийское общество культурных связей с зарубежными странами, Союз советских обществ дружбы), комитеты ветеранов. Свой вклад в структурирование и символическое наполнение данного поля вносили и неформальные сообщества – участники событий, которые либо встраивались в господствующий нарратив, либо отвергали его. Однозначные и прямолинейные советские концепции далекого и недавнего прошлого, транслируемые на включенные после Второй мировой войны в зону советского влияния восточноевропейские территории, реципировались «принимающими» сторонами не без конфликтов. Противоречия национальных нарративов проявлялись в течение всего периода существования социалистического лагеря не только на уровне обывателей, но и в контролируемых сверху научной и образовательной средах, где регулярно вспыхивали «политически неудобные» диспуты, в которых представители стран народной демократии ставили под сомнение советские подходы к истории в целом и трактовку отдельных событий¹⁴.

¹² Посетите Германскую демократическую республику... № 17029, 17128, 17323; Посетите Югославию... № 17214; Посетите Румынию... № 17329.

¹³ Faure 2015.

¹⁴ Bundesarchiv-Lichterfelde (далее – Barch), DR 3, Nr.3486; Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 483.

Именно массовый опыт поколения, прошедшего Вторую мировую войну, выступал основой управляемой трансграничной коммуникации граждан стран социалистического лагеря. При этом фиксируются не только попытки создать и контролировать сверху безопасное для интеграционных процессов мемориальное пространство, но и индивидуальные претензии на роль послов дружбы и взаимопонимания народов. Старшее советское поколение объясняло свое желание наладить и поддерживать контакты с представителями социалистических стран, в т.ч. бывшими противниками, актуальностью военного опыта, инструментализируя пропагандистские пароли о бремени ответственности за подержание мира: «Я окончил войну в Германии, во время войны спас от смерти немецкую девочку... очень хочется наладить связь с немецкими друзьями и вновь побывать в Берлине – по дорогам боевой славы»¹⁵; «Во время Великой Отечественной войны принимал участие в Дукельской операции, где плечом к плечу сражались с фашистскими захватчиками советские и чехословацкие части... После войны мне пришлось бывать в Чехословакии. Эти поездки укрепили во мне чувство глубокой симпатии к трудолюбивому, скромному и в высшей степени благородному народу дружественной страны... приветствую создание общества дружбы и хочу в него вступить»¹⁶. Встречные инициативы исходили от граждан восточноевропейских стран: бывшие боевые товарищи приглашали друг друга на связанные с победой или освобождением страны публичные мероприятия: «...обращаемся к Вам с просьбой дать разрешение на выезд в ЧССР Степану Г. ...был членом партизанского отряда, который вел борьбу с германскими захватчиками в нашем районе... приглашает Франтишек Ч., член партизанского отряда, которые работает в райисполкоме нашего города... ждут с нетерпением наши жители и готовят ему теплую, сердечную встречу, чтобы хотя бы этим поблагодарить за освобождение нашей Родины советскими людьми и за повседневную помощь при строительстве социализма в нашей стране»¹⁷. Поколение, не затронутое войной, включаясь в процесс иницилируемой сверху внутриблоковой коммуникации, усваивало транслируемые сверху коды советского миролюбия¹⁸: «Россия и Германия много раз встречались на поле брани, но теперь эти времена прошли, теперь мы встречаемся на поле мирного труда. Но еще живет в сердцах людей

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р9576. Оп. 4. Д. 288. Л. 9. 14.11.1966.

¹⁶ Данное письмо является типичным для массового потока просьб о вступлении в организуемые общества дружбы с социалистическими странами. См., напр.: ГАРФ. Ф. Р9576. Оп. 4. Д. 38.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р9518. Оп. 1а. Д. 18. Л. 135. Письмо из Чехии. 3.3.1959.

¹⁸ Об усвоении паролей интернационализма и пацифизма в более поздний период и о сохранении их действенности в постсоветское время см.: Орлова 2007.

какое-то недоверие, посеянное многолетней враждой, и рассеять это недоверие – благородная задача общества»¹⁹.

Поощряя подобные инициативы снизу, ответственные органы не оставляли публичное пространство без контроля. Идеальным видением организации переписки с представителями социалистических стран со стороны властных структур являлось централизованное распределение адресов среди советских граждан, семейный характер коммуникации (в случае переписки детей, родители также мотивировались к отправке писем зарубежным друзьям), регулярное информирование о характере письменных контактов («в ходе переписки просим держать нас в курсе дела»²⁰). Нежелательный для установленных мемориальных рамок характер контактов подвергался настоящей коррекции: к примеру, на просьбу школьного КИД в Куйбышевской области предоставить адрес польской организации бывших узников лагеря Бухенвальд-Дора, обществу дружбы в Москве откликнулось однозначной рекомендацией «создавать в школе музей сопротивления, а не клуб бывших узников Бухенвальда» и готовностью выслать «нужные для этого материалы»²¹. Напротив, позитивно была оценена деятельность учащихся ростовской школы, наладивших контакты с заключенным Бухенвальда из г. Ворбис, позиционированным в ГДР как «пламенный антифашист»²².

Взаимные интересы институций, коллективных и индивидуальных акторов, действовавших в символическом поле внутриблоковой мемориальной дипломатии, прослеживаются на типичном примере контактов учебного коллектива эрфуртского универмага и матери известной советской партизанки Зои Космодемьянской. Если представители Восточной Германии использовали имя и образ признанной героини для участия в соревновании между учебными комбинатами (они одержали в нем победу)²³, то Л. Космодемьянская благодаря подобному интересу превратилась в значимую медийную фигуру социалистического лагеря, активно участвуя в работе интернациональных общественных структур и используя символический капитал дочери в рамках публичных мероприятий. Через принятие транслируемых сверху элементов социалистического метарассказа и «корректирование» индивидуальных воспоминаний представители старших поколений получали возможность сохранять значимые социальные позиции. Так, например, в 1967 г. «Берлинская газета» чествовала как знаковую фигуру

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 22а. Л. 112. Москва 21.2.1958. Письмо К. Федину.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 288. Л. 9. 14.11.1966

²¹ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 288. Л.80-82. 24.1.1967. Школа-интернат Куйбышевской области...

²² ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 288. Л. 125. 19.9.1966.

²³ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 12. Л. 37. Космодемьянской Л.Т. Эрфурт. 22.11.1957.

Якоба В., рядового участника рабочих стачек в Берлине, праздновавшего свое 75-тилетие одновременно с юбилеем Октябрьской революции и вспоминавшего воодушевление своих товарищей при получении известий о событиях в России, а также выражаемое уже тогда признание безусловного лидерства большевиков в деле революционной борьбы²⁴. В данном случае мы явно наблюдаем коррекцию индивидуальных воспоминаний под влиянием господствующего дискурса.

***Время побежденного: вина и покаяние
во внешнеполитических репрезентациях ГДР***

Образы коллективной вины немцев за последствия Второй мировой войны и нанесенный Советскому Союзу хозяйственный и демографический ущерб превратились в один из основных инструментов пропаганды Советского Союза (в ранний период – культа вождя) в Восточной Германии. Пространства внутриблоковой коммуникации свидетельствуют не столько об одномоментном освобождении, сколько о культивировании чувства вины и его компенсации через публичное покаяние, особенно в тех сообществах, которые имели опыт непосредственного общения с гражданами социалистических стран. Таковы, к примеру, установки восточногерманских органов в адрес первых студентов, отправляемых в вузы СССР: «Вы должны помнить, что вы – представители ГДР за границей. Представители Германии в той стране, в которой мы от широких народных масс не можем ожидать хорошего мнения о немцах, ибо мы должны всегда помнить о том, что Германия начала вторую мировую войну... Мы не можем отговариваться, что это были фашисты. Для обычного человека это были немцы». Предлагая студентам пропагандировать лучшие образцы «национального культурного наследия» и позитивные образы исторического прошлого, партийные идеологи, тем не менее, осознавали сложность стоящей перед студентами задачи по изменению образа врага в сознании советского населения: «...Вы едете в дружественную страну как немецкие студенты, как представители немецкого народа, как представители Германии Гете и Шиллера, Маркса и Энгельса, Эрнста Тельмана и Вильгельма Пика. Но вы едете в эту страну и как представители народа, который следовал за гитлеровским фашизмом до развалин в Берлине, который до этого превратил в прах и пепел цветущие города Сталинград, Киев, Варшаву...»²⁵. На корректировку восприятия немцев в странах Восточной Европы было нацелено огромное количество публичных мероприятий, проводимых студентами из ГДР (докладов, выставок, радио- и телепередач). Тем не менее, прилагаемые усилия далеко не сразу дали

²⁴ Berliner Zeitung. 13. Jan. 1967. S. 9. <http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/ddr-presse/ergebnisanzeige/?purl=SNP26120215-19670113-0-9-336-0>

²⁵ Barch, DR 3, Schicht I, 460, Festrede eines Regierungsvertreters bei dem Abschlussfeier der ABF 1954/55.

должный эффект: в странах Восточной Европы члены ГДР-овских делегаций подвергались нападкам и даже избиениям, в провинциальных советских городах студентов отказывались обслуживать в предприятиях общепита как «фашистов».

О том, что посольство ГДР в Москве ревностно следило за позиционированием своего государства в социалистическом лагере как единственного центра немецкого антифашизма и пыталось пресекать любые отклонения, свидетельствуют многие факты, к примеру, протест против наименования студентов ГДР в советских вузах негативно нагруженным в национал-социалистический период понятием «землячество», а также указание советским органам на возможную ошибку в планируемом в 1961 г. к печати сборнике сатирических стихов Ю. Благова «Между нами говоря». Советник посольства ссылался на полученную им информацию о том, что «в одном из стихотворений... припев взят из припева гитлеровской песни... восклицания, которые в стихотворениях приписываются спортсменам ГДР, были характерны для поведения фашистов на гитлеровских сборищах»²⁶, и настоятельно просил внести необходимые коррективы в публикацию.

Дискурс вины восточных немцев и образ разрушительных последствий войны использовался во внутриблоковом публичном пространстве для ответа на критические замечания визитеров в СССР о низком жизненном уровне населения и состоянии инфраструктуры. После июньских протестов 1953 г. в Восточной Германии именно данный образ употреблялся в целях восстановления доминирующего статуса СССР, поставленного населением Берлина под сомнение. При этом он транслировался именно через низовых послов культурной дипломатии. Так, советский рабочий-передовик, посещавший предприятия Восточного Берлина в составе одной из многих рабочих делегаций, которые массово и в срочном порядке организовал ВОКС летом 1953 г., заявил: «Немецкие рабочие должны знать, с какими трудностями столкнулись мы после навязанной нам Второй мировой войны, когда нам пришлось залечивать тяжелые раны, возрождать буквально из пепла и руин тысячи заводов, городов и сел, разрушенных гитлеровскими фашистами. Если бы не война, советский народ ушел бы теперь далеко вперед»²⁷.

На международных мероприятиях, имевших общеклассовое медийное значение, ведущие культурные деятели ГДР в обязательном порядке использовали риторику покаяния, пытаясь при этом компенсировать нацистское прошлое позитивным вкладом немецкой классики в мировую культуру. В речи писательницы А. Зегерс, которой была

²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 136. Л. 102. Запись беседы с советником посольства ГДР Шнейдером. 19.6.1961.

²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 2. Л. 95-100. Выступления советских рабочих делегаций, выезжающих в ГДР.

предоставлена честь выступления в Москве в 1959 г. при вручении Н. Хрущеву Ленинской премии мира, данные риторические фигуры проявляются достаточно иллюстративно: «...Я обращаюсь к Вам на языке, на котором отдавались преступные приказы, распространялась ложь, клевета и измышления. Но в то же время — это язык Маркса, Гете, Гейне, язык разума и любви к человеку...»²⁸. Уже само включение выступления представителей восточногерманской интеллигенции в тщательно инсценированный спектакль наряду с речами делегатов дружественных капиталистических стран (Франции) и не примкнувших к военным блокам бывших колоний (Индия), несомненно, является отражением советских усилий по поддержанию нужного имиджа ГДР внутри социалистического лагеря.

***Конструирование и поддержание общих мест памяти:
юбилей и мемориалы***

Иницируемая советской стороной ритуализация избранных событий прошлого становилась поводом для «праздничной мобилизации общности» (М. Рольф)²⁹ в целях поддержания внутриблоковой идентичности. Стремясь к нивелированию разности исторического пути стран соцлагеря, заглушевыванию вековых и недавних конфликтов между отдельными государствами, нарратив общеклоковой публичной истории базировался на трех ключевых мемориальных «брендах»: Октябрьской революции, Второй мировой войне и истории успеха социалистической интеграции. При этом в отношении отдельных стран эти мемориальные рамки наполнялись различным содержанием.

По мере отдаления Октябрьской революции – ключевого события, сформировавшего социалистическую исключительность и раскол мира на два лагеря, память о ней привязывалась и к объектам, олицетворявшим разные достижения социализма (СССР) – победу во Второй мировой войне, освоение космоса, крупнейшие индустриальные стройки. Важно подчеркнуть, что актуализация памяти о революции носила ярко выраженный юбилейный характер. В целом, к круглым датам было принято обмениваться приветственными посланиями между предприятиями-партнерами, городами-побратимами социалистических стран. Всероссийское общество культурных связей с заграницей старалось следить за взаимностью подобных обменов, ссылаясь в инструкторных письмах на излишнюю чувствительность зарубежных партнеров к отсутствию внимания и необходимость отправления им благодарностей за присланные поздравительные адреса, символические подарки, коллективные письма³⁰.

²⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 21. Л. 128. Речь Зегерс при вручении премии мира Хрущеву. Май 1959 г.

²⁹ Leere 2016. S. 83–109.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р9576. Оп. 4. Д. 12. Л. 44.

О влиянии круглых дат на коммеморативную активность свидетельствует, например, статистика упоминаний понятия Октябрьская революция в прессе ГДР: если в 1946 г. оно встречалось в газетных статьях лишь 81 раз, то уже в 1947 г. мы найдем 279 упоминаний, в 1957 г. – 1970, в 1967 г. – 4566, в 1977 г. – 4524. И лишь в период максимального перестроечного охлаждения отношений с Советским Союзом, в 1987 г., наблюдается среднегодовое число публикаций в неюбилейные года в несколько раз. В случае Восточной Германии актуализация образа революции служила поводом продемонстрировать поддержку, оказываемую советской стороной для достижения равноправных позиций ГДР на международной арене.

Юбилеи революции становились поводом для продвижения сопутствующего мемориального бренда – образа Ленина. В дни празднования 50-й годовщины Октября в Праге была открыта не только новая экспозиция музея Ленина, но и широко освещалось в прессе присвоение одному из новых проспектов чехословацкой столицы имени вождя мировой революции³². К 100-летию Ленина, которое праздновало в 1970 г. «все прогрессивное человечество», в ГДР по проекту советского скульптора Томского был возведен монументальный памятник, превращенный в одну из ключевых туристических достопримечательностей Восточного Берлина.

В качестве дополнительного связующего звена в истории СССР и Восточной Германии использовался образ общих социал-демократических корней рабочего движения и международного характера революционных событий. В текстах путеводителей для советских туристов в качестве важных достопримечательностей отмечались города, связанные с основателями марксизма, редакция «Искры» в Лейпциге, место основания СДПГ в Эйзенахе. Любопытно, что подчеркивание общих корней социалистической идеологии привело к неоднозначному эффекту, а именно к попытке «присвоения» немецкой стороной права приоритетного использования марксистских истоков.

В ситуации кризисов социалистического лагеря инструментализация мемориальных образов приобретала ярко выраженный политический характер. Так в Венгрии, где после жестокого подавления восстания 1956 г. пропаганда любых советских символов была обречена на провал, к 40-летию Октябрьской революции советская сторона планировала создать фильм о роли венгерских военнопленных в революционных событиях³³ и апеллировать тем самым не только к совместному

³¹Суммировано по данным каталога «Пресса ГДР». <http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/ddr-presse>

³² ГАРФ. Ф. Р9576. Оп. 4. Д. 298. Л.15.

³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 162. Посольство СССР в Венгрии. 24.1.1957.

историческому прошлому, но и к причастности венгров к сотворению социалистического проекта. Тогда же планировалось безвозмездно передать ряд исторических ценностей: архивных документов, памятников культуры³⁴ и широко осветить эти мероприятия в местной прессе.

Образ СССР как хранителя исторического наследия восточноевропейских стран использовался впоследствии достаточно интенсивно и эффективно. Так, в мероприятиях, посвященных 20-й годовщине освобождения от фашизма, в Германию выезжали московские художники, участвовавшие в спасении Дрезденской картинной галереи. Встречи с немецкой публикой, где подробно освещался ход работ по сохранению шедевров, проходили на базе персональной выставки художников³⁵. В подобном сочетании советская живопись, обычно неоднозначно воспринимаемая в странах Восточной Европы за консерватизм и приверженность канонам соцреализма, пользовалась большим успехом.

С усложнением медийной среды соцлагеря набор event-инструментов с течением времени становился более разнообразным, этому способствовало и развитие средств массовой информации: в памятные мероприятия все чаще включались массовые зрелищные эффекты, например, набиравшие популярность элементы спортивных состязаний. К юбилею Октябрьской революции в 1967 г. планировались встречи спортсменов СССР и ГДР в 30-ти видах спорта³⁶, которые активно освещались в прессе. В рамках празднования 25-й годовщины одного из сражений на территории УССР, в котором вместе с советской армией участие принимало чехословацкое военное подразделение, был организован марафонский забег по территории трех соседних стран: Советского Союза, Польши, Чехословакии. Масштаб и политическое значение мероприятия, которое рассматривалось советской стороной как «новая форма пропаганды Советского Союза в ЧССР», подчеркивались участием в финальных мероприятиях ведущих деятелей Чехословакии, включая президента страны Людвика Свободу³⁷.

Одно из центральных мест во внутриблоковой мемориальной дипломатии занимала память о недавно завершившейся войне, ибо именно этот образ позволял закреплять совместный характер исторического прошлого и решающую роль в нем Советского Союза. Все без исключения путеводители по ГДР включали описание памятника в Трептове, и фотографии мемориала на первых страницах изданий. Кроме того, туристам рекомендовалось посетить дворец Цецилиенхоф, где состоя-

³⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 504. Л. 17.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-9518. Оп. 1а. Д. 37. Л. 206. В ГККС от Союза художников. Отчет за 1965 г.

³⁶ Neues Deutschland. 1. Jan. 1967. S. 8.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 298. Л. 74. Из дневника Журавлева Ю.Н. Запись беседы с главным редактором журнала ЦК КПЧ «Цветы». 6.2.1968 г.

лась Потсдамская конференция, место подписания договора о безоговорочной капитуляции Карлсхорст, Бухенвальд, Равенсбрюк, Заксенхаузен. Несмотря на максимальную сжатость текстов про отдельные города, в описании Дрездена особым сюжетом стали бомбардировки города западной авиацией, а также спасение памятников Дрезденской картинной галереи советской армией и последовавшая передача их правительству ГДР. По понятным причинам в меньшей степени совместные места памяти о войне использовались в путеводителях по Югославии. Однако и здесь Вторая мировая война оставалась ключевым объединяющим моментом: в изданиях 1970-х гг. в первую очередь упомянуто мемориальное кладбище освободителей Белграда – «место, где захоронено более 2000 советских солдат и офицеров и бойцов Народно-освободительной армии Югославии, отдавших свою жизнь за освобождение Белграда во время второй мировой войны...»³⁸.

В связи с огромным числом братских могил павших в минувшую войну во всех восточноевропейских странах, они также инструментализировались как совместные места памяти, вокруг которых складывалась своя ритуальная традиция, позволяющая регулярно мобилизовать общественность. К примеру, в феврале 1968 г. в Москве состоялся митинг в честь установления на братской могиле советских воинов на Преображенском кладбище урны с землей, взятой с мест боев за г. Познань и присланной для этой цели представителями польского городского самоуправления. В ответ исполком Моссовета направил в адрес городских властей г. Познани урну с землей, взятой с братской могилы советских воинов, для торжественного захоронения в польском парке братства по оружию³⁹. Постоянной активизации мест памяти служили не только организованные туристические экскурсии, но и элементы «детской дипломатии»: посещающие международные лагеря социалистических стран детские и молодежные делегации совершали обязательные визиты к памятникам советским воинам, часто вместе с местной партийной делегацией и общественностью, что становилось важным информационным поводом и отражалось в местной прессе⁴⁰.

Изданные в соцстранах путеводители для советских туристов, иногда нарушавшие популярные рамки «городского принципа» построения и структурированные вокруг тематических пунктов, позволяют проанализировать, насколько востребованным оказывалось советское видение совместных мест памяти. Пункты «светлая память», «навечно в памяти», «памятные места» в восточногерманских путеводителях содержат практически тот же обязательный перечень револю-

³⁸ Посетите Югославию... № 17214.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 19. Д. 36. Л. 99.

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 364. Л. 66. Отчет о поездке группы советских пионеров в Болгарию в международный пионерский лагерь. 17.9.1955.

ционных и военных мемориалов⁴¹, центральное место в них занимал Трептов-парк, и даже однодневное посещение Берлина западными туристами включало советский мемориал как обязательный пункт посещения⁴². Вторая мировая война, роль советской армии как освободительницы, связь с социалистическими странами выступают ключевыми пунктами в путеводителях по Болгарии, здесь был удачно использован и еще один позитивный интеграционный мемориальный символ – роль русской армии в освобождении страны от турецкого ига⁴³.

Сравнение путеводителей разных лет и выявление дополнений к практически идентичным текстам позволяет выделить новые мемориальные послания, нацеленные на формирование общеблоковой идентичности. Относительно недавнее прошлое также играло значимую роль в создании нарратива социалистической интеграции – проекты эпохи социализма занимали равное, если не приоритетное место с описанием памятников средневековой культуры, с их помощью конструировался образ братских отношений стран-соседей, затушевывались существовавшие противоречия (например, дискуссия о послевоенных границах Польши и ГДР). После 1978 г. в путеводителях по Восточной Германии появилась вставка о полете в космос международного экипажа В. Быковского (СССР) и З. Йена (ГДР). Подчеркивалось, что «запуск, осуществленный в период подготовки к историческому событию – 30-летию образования первого немецкого социалистического государства, является еще одним ярким примером дальнейшего укрепления братской дружбы и тесного сотрудничества между народами СССР и ГДР»⁴⁴. Аналогичное дополнение с идентичной формулировкой про «дружбу и сотрудничество» появилось и в путеводителях по Румынии после запуска в 1981 г. совместного экипажа Л. Попова и Д. Прунариу⁴⁵. По мнению Ю. Рихерс, именно тема советских космических достижений, отраженная в том числе в потребительской культуре, моде, эстетике, была воспринята во всем мире, а для государств Варшавского договора превратилась в трансграничный «социальный цемент»⁴⁶. Изучение путеводителей позволяет развить этот тезис – приобщение к советским космическим достижениям представителей братских социалистических стран создавало эмоционально заряженные и разделяемые совместные места общеблоковой памяти, которые могли быть восприняты как интеграционное предложение всеми социальными, возрастными и гендерными группами.

⁴¹ Берлин, столица ГДР... Б.м., б.г.

⁴² Görlich S. 408-421.

⁴³ Болгария... Б.м., б.г.

⁴⁴ Посетите Германскую демократическую республику. № 17323.

⁴⁵ Посетите Румынию № 17329.

⁴⁶ Richers 2016.

Таким образом, использование исторической памяти в целях инсценирования общей социалистической идентичности превратилось в сферу приложения постоянных усилий советской культурной дипломатии, которые, с одной стороны, оставались спорадическими и несистемными, не сумев полностью снять существовавших мемориальных конфликтов, с другой, имели определенный временный, а иногда и долгосрочный эффект. Интенсивность обращения к представляемым в качестве общих «местам памяти» (среди них выделялись Октябрьская революция, Вторая мировая война и история социалистической интеграции) стремительно повышалась в годы юбилеев отдельных событий и лиц, росла в ситуациях кризисов восточного блока. Успехи внутриблоковой интеграции (совместные полеты в космос, реализация крупных проектов) представлялись как логическое продолжение заложенных революцией и отвоєванных в ходе войны социалистических основ, обеспечивая континуитет развития восточноевропейских стран.

При этом, вокруг создававшихся в социалистических странах мемориалов целенаправленно имитировалась постоянная общественная активность: они включались в туристические маршруты, праздничные мероприятия, программы визитов. С развитием медийной среды социалистического лагеря эволюционировали и инструменты «мемориальной дипломатии»: постепенно все явственнее становились попытки достичь эффекта массовости и зрелищности. Возникавшие под влиянием пропагандистских паролей об интернационализме, антифашизме и миролюбии социалистического лагеря общественные инициативы по установлению трансграничных контактов прямо или косвенно корректировались ответственными органами, в т.ч. через предоставление необходимых материалов и ресурсов. Исследование подтверждает взаимовыгодное использование одобренных сверху мемориальных нарративов отдельными акторами (носителями конкретного исторического опыта) для приобретения или сохранения символического капитала.

Важно констатировать, что инструменты мемориальной дипломатии нередко переходили из символического поля в другие поля: к примеру, плакаты с изображениями событий освобождения Красной Армией конкретной страны от оккупации размещались в советских выставочных павильонах в социалистических странах⁴⁷. Предваряя саму экспозицию достижений народного хозяйства СССР, они должны были способствовать созданию у посетителей правильного эмоционального фона для позитивного восприятия советских достижений, экспонирующихся в данный момент; подчеркивать разницу между картинами послевоенных разрушений и изобилия «на социалистический лад».

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-9518. Оп. 1а. Д. 36. Л. 135; Ф. Р-9518. Оп. 1а. Д. 33. Л. 21.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берлин, столица ГДР. Reisebuero der DDR; Поездки Дружбы. Германская демократическая республика. Reisebuero der DDR. Б.м., б.г.
- Болгария. Государственный комитет по туризму НР Болгарии. Б.м., б.г.
- Карл Л. "О героях и людях..." Советское кино о войне: взгляд из ГДР. М., 2011.
- Нагорная О. «Поколение» и «память» в транснациональном пространстве советских вузов: восточногерманские студенты в СССР // «Работа над прошлым»: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России: сборник статей / под ред. О. С. Нагорной и др. Челябинск, 2014. С. 200–210.
- Орлова Г. "Трактор в поле дыр-дыр-дыр, / Все мы боремся за мир": советское миролюбие в брежневскую эпоху // Неприкосновенный запас. 2007. № 4 (54). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/or6.html>.
- Попов А. «Памятник горя, мучений и борьбы...»: мемориальный комплекс Бухенвальд и советский дискурс исторической памяти // Гелея. 2011 (а). Вып. 55. С. 149–155.
- Попов А. Д. Народная республика Болгария как объект зарубежного (выездного) туризма советских граждан // Дриновский збірник. 2011 (б). Т. IV. С. 302–309.
- Посетите Германскую демократическую республику. Главное управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР. Внешторгиздат № 17029, 17128, 17323. Б.м., б.г.
- Посетите Румынию. Главное управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР. Внешторгиздат № 17329. Б.м., б.г.
- Посетите Югославию. Главное управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР. Внешторгиздат № 17214. Б.м., б.г.
- Тихомиров А. «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.). М., 2014.
- Boskovska N., Strobel A., Ursprung D. (Hg.). "Entwickelter Sozialismus" in Osteuropa. Arbeit, Konsum und Öffentlichkeit, Berlin 2016.
- David-Fox M. Crossing borders. Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh Press 2015.
- Dietrich Chr. Die Erfahrung in Stalingrad und das friedliche Kriegsende. Das Narrativ von der Lehre aus der Vergangenheit in Rudolf Petershagens autobiographisches Roman „Gewissen im Aufruhr“ // Gedächtnis und Gewalt. Nationale und transnationale Erinnerungsräume im östlichen Europa, Schoor K., Schüler-Springorum (Hg.). Göttingen, 2016. S. 67–83.
- Faure R. Netzwerke der Kulturdiplomatie. Die internationale Schulbuchrevision in Europa, 1945–1989. Berlin / München / Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2015.
- Görlich Chr. Berlin, die geteilte Stadt: Ein Topos in deutschen Reiseführern des 20. Jahrhunderts // Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History 4 (2007), S. 408–421.
- Richers Ju. Die Ambivalenz der sechziger Jahre: Ungarn zwischen Repression und „Gulaschkommunismus“ // Boskovska, Strobel, Ursprung 2016. S. 237–265.
- Rolf M. Leere „Räume des Jubels“: Zur Erosion der Kampagneöffentlichkeit in der späten Sowjetunion // Boskovska, Strobel, Ursprung 2016. S. 83–109.
- Rowell J. Socio-Historie der Herrschaft. Einführung // Die ostdeutsche Gesellschaft. Eine transnationale Perspektive / S. Kott, E. Droit (Hg.). Berlin, 2007. S. 26–34.
- Satjukow S. Zeitzeugen "der ersten Stunde". Erinnerungen an den Nationalsozialismus in der DDR // Sabrow M., Frei N. (Hg.) Die Geburt der Zeitzeugen nach 1945. Berlin 2012. S. 220–22.
- Stoeber V. Der Kalte Krieg. Geschichte eines radikalen Zeitalters 1947–1991. München, 2007.

REFERENCES

- Berlin, stolitsa GDR. Reisebuero der DDR; Pоеzdki Druzhyby. Germanskaya demokraticeskaya respublika. Reisebuero der DDR. B.m., b.g.
- Bolgariya. Gosudarstvennyy komitet po turizmu NR Bolgarii. B.m., b.g.
- Karl L. "O geroyakh i lyudyakh..." Sovetskoe kino o voyne: vzglyad iz GDR. M., 2011.
- Nagornaya O. «Pokolenie» i «pamyat'» v transnatsional'nom prostranstve sovetskikh vuzov: vostochnogermskie studenty v SSSR // «Rabota nad proshlym»: XX vek v kommunikatsii i pamyati poslevoennykh pokoleniy Germanii i Rossii : sbornik statey / pod red. O. S. Nagornoy i dr. Chelyabinsk, 2014. S. 200–210.

- Orlova G. "Traktor v pole dyr-dyr-dyr, / Vse my boremsya za mir": sovetskoe mirolyubie v brezhnevskuyu epokhu // Neprikosnovennyi zapas. 2007. №4 (54). <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/or6.html>.
- Popov A. «Pamyatnik gorya, mucheniy i bor'by...»: memorial'nyy kompleks Bukhenval'd i sovetskij diskurs istoricheskoy pamyati // Geleya. Vyp. 55. 2011 (a). S. 149–155.
- Popov A.D. Narodnaya respublika Bolgariya kak ob'ekt zarubezhnogo (vyezdnogo) turizma sovetskikh grazhdan // Drinovskiy zbornik. 2011 (6). T. IV. S. 302–309.
- Posetite Germanskuyu demokraticheskuyu respubliku. Glavnoe upravlenie po inostrannomu turizmu pri Sovete Ministrov SSSR. Vneshtorgizdat № 17029, 17128, 17323. B.m., b.g.;
- Posetite Rumyniyu Glavnoe upravlenie po inostrannomu turizmu pri Sovete Ministrov SSSR. Vneshtorgizdat № 17329. B.m., b.g.
- Posetite Yugoslaviyu. Glavnoe upravlenie po inostrannomu turizmu pri Sovete Ministrov SSSR. Vneshtorgizdat № 17214. B.m., b.g.
- Tikhomirov A. «Luchshiy drug nemetskogo naroda»: kul't Stalina v Vostochnoy Germanii (1945-1961 gg.). M., 2014.
- Boskovska N., Strobel A., Ursprung D. (Hg.). "Entwickelter Sozialismus" in Osteuropa. Arbeit, Konsum und Öffentlichkeit, Berlin 2016.
- David-Fox M. Crossing borders. Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh Press 2015.
- Dietrich Chr. Die Erfahrung in Stalingrad und das friedliche Kriegsende. Das Narrativ von der Lehre aus der Vergangenheit in Rudolf Petershagens autobiographisches Roman „Gewissen in Aufruhr“ // Gedächtnis und Gewalt. Nationale und transnationale Erinnerungsräume im östlichen Europa, Schoor K., Schüler-Springorum (Hg.). Göttingen, 2016. S. 67–83.
- Faure R. Netzwerke der Kulturdiplomatie. Die internationale Schulbuchrevision in Europa, 1945-1989. Berlin / München / Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2015.
- Görlich Chr. Berlin, die geteilte Stadt: Ein Topos in deutschen Reiseführern des 20. Jahrhunderts // Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History 4 (2007), S. 408–421.
- Richers Ju. Die Ambivalenz der sechziger Jahre: Ungarn zwischen Repression und „Gulaschkommunismus“ // Boskovska, Strobel, Ursprung 2016. S. 237–265. S. 237–265.
- Rolf M. Leere „Räume des Jubels“: Zur Erosion der Kampagneöffentlichkeit in der späten Sowjetunion // Boskovska, Strobel, Ursprung 2016. S. 83–109.
- Rowell J. Socio-Historie der Herrschaft. Einfuehrung // Die ostdeutsche Gesellschaft. Eine transnationale Perspektive / S. Kott, E. Droit (Hg.). Berlin, 2007. S. 26–34.
- Satjukow S. Zeitzeugen "der ersten Stunde". Erinnerungen an den Nationalsozialismus in der DDR // Sabrow M., Frei N. (Hg.) Die Geburt der Zeitzeugen nach 1945. Berlin 2012. S. 220–22.
- Stoeber V. Der Kalte Krieg. Geschichte eines radikalen Zeitalters 1947–1991. München, 2007.

Нагорная Оксана Сергеевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета; nagornja.oxana@mail.ru

**"If it was not for the war, the Soviet people would now go far ahead..."
Soviet memorial diplomacy in the socialist camp (1949-1989)**

The article examines one of the areas of postwar Soviet cultural diplomacy in the East European countries. This area conditionally called by the author as "a memorial diplomacy". In the center of the research are the construction and use of the historical memory to form bloc-identity, to influence on international relations, to overcome the differences in views on the events of the past. The text analyzed the communicative processes around the historical narratives in the socialist camp, as well as commemorative rhetoric, festive rituals, memorials.

Keywords: transnational history, socialist camp, cultural diplomacy, cultural diplomacy, international relations, eastern bloc

Oksana Nagornaya, PhD., South Ural State University (Chelyabinsk), head of the research project "Soviet cultural diplomacy during the Cold War", performed by a grant from the Russian Science Foundation, project Nr. 16-18-10213, nagornja.oxana@mail.ru